

Живущий На
Земле
О собаке доброй и о
собаке злой

Живущий Земле О собаке доброй и о собаке злой

<https://litres.ru/74265913>

SelfPub; 2026

Аннотация

О белой злой собаке и о черном добром псе . В стихах. Для детей о дуальности и неоднозначности мира.

Живущий На Земле О собаке доброй и о собаке злой

Глава 1

Сказка о Белой и Чёрной собаке

Часть первая. Снежная

В одном краю, где тополя

Склоняют ветви до земли,

Где в сумерках поют ветра,

Стоял приют. И в тесной мгле,

За прутьями сырых вольеров,

Ютились брошенные псы —

Кто стар и хвор, кто мал и сир,

Кому достались лишь часы

Тоскливых ожиданий. Мир

Их был неласков и жесток,

Но каждый зверь в душе берёт

Надежду, тонкую как нить:

Авось придут и приютят,

Авось погладят и простят

Им то, чего не может быть.

Но не о них пойдёт рассказ.

В глухую полночь, в тихий час,

Когда луна, бледна, чиста,

На снег роняла жемчуга,

К порогу принесла беда

Щенка — белее молока,

Белее утренних снегов,

Белее горних облаков.

Ни звука не издал малыш,

Не взвизгнул, не залаял всласть.

Казалось, в нём застыла страсть,

Что не разбудишь — не вспугнёшь.

Казалось, в нём уснула душа.

Приютский сторож, кряхтя, внёс

Её в вольер, где пёсий сброд

Возился, таякал и скулил.

Она ж забила в дальний угол

И замерла, как изваянье.

Никто не знал, какой недуг

Терзал ей сердце. Лишь глаза,

Глубокие, как небеса

Перед грозой, таили мрак.

Таких не встретишь у собак,

Воспитанных в тепле и ласке, —

В них отражался не испуг,

А знание, горькое до мук,

О том, что люди — только маски,

Что доброта их — лишь обман,

Что мир не дом, а котлован,

Где каждый сам и каждый враг.

Откуда этот горький опыт

В столь юном сердце? Мы не знаем.

Быть может, прежний, злой хозяин

Её пинал и мордой в копоть

Тыкал за каждую провинность.

А может, видела она,

Как под колёсами визжала

Её родная мать, и ало

На серый снег текла слюна...

Не будем раны беречь.

Довольно знать: она устала

Людей любить и им служить.

Она мечтала лишь о том,

Как вырвется из стен бетонных,

Как пробежит по склонам сонным,

Как станет вольною, как гром

В ночи расколет небосклон —

И будет домом ей весь мир.

Ничьих не принимать даров,

Ничьих не слушаться пиров,

Не гнуть хребта, не лаять в лиру

Чужой, наскучившей хвалы.

Уйти туда, где ковыли

Качает ветер, где в траве

Гудят шмели, где в синеве

Орёл парит — свободный, гордый,

Не знающий людской узды.

Но как сбежать? Замки крепки,

А сторожа неумолимы.

Она лежала, и тоски

Холодной, долгой, нелюдимой

Никто не видел за белёсой,

Пушистой шёрсткой. Кто бы мог

Подумать: этот белый клок,

Похожий на овечью чёлку,

Вмещает разум, острый, колкий,

И волю, твёрдую как сталь?

Она решила: час настал.

И начался великий спектакль.

Наутро, лишь рассвет зажёт

Румянцем край сырого неба,

Она впервые поднялась

И вышла в свет. Не торопясь,

Ступая мягко, гордо, слепо

Не глядя на собачий лай,

Она приблизилась к решётке.

И люди ахнули: «Гляди-ка!

Она — как будто невеличка

С небес сошла. Смотри, как ходит,

Как носиком поводит, вроде

Царевна, а не просто псица».

И потянулись вереницей

К ней руки тёплые, ладони.

Она ж на каждый жест посторонний

Взирала холодно и строго —

Царица выбирает, много ль

Достойных среди черни праздной?

И вдруг — застыла. Глазом ясным,

Внимательным, почти печальным

Взглянула на того, кто в зале

Стоял поодаль. Был он статен,

Богато одет, бородат, но

В глазах его читалась скука

Пресыщенного жизнью духа.

Он руку протянул рассеянно —

И в тот же миг она, священный

Давая будто бы обет,

Лизнула пальцы. Человек

Вздрагнул. И замер. И улыбка

Его лицо преобразила —

Нежданно мягко, сиротливо,

Как будто он не знал давно

Тепла. «Беру», — сказал одно

Лишь слово.

И её из клетки

На волю вынесли. Но в этой

Свободе мнимой был расчёт.

Держал он бережно щенка,

К груди прижав. Она ждала.

Сквозь двери, через скрип крыльца,

Минуя прочих псов, которых

Вели гулять на поводках,

Шёл человек. И на руках

Белела шёрстка. Нежный ворох,

Похожий на клочок зимы.

Вот двор. Вот небо. Вот забор.

Вот долгожданная свобода —

Рукой подать. Ещё немного,

И скроется за поворотом

Приютский страж, и крик «прощай»

Растает в утренних лучах.

И тут — мгновенье. Лишь одно

Мгновенье выбрала она,

Пока хозяин отвлекался,

Пока платок свой поправлял,

Пока в кармане ключ искал

От ожидавшего авто.

Она рванулась — и укус,

Один, короткий, жгучий, резкий,

Вонзился в руку. Человек

Вскричал от боли, от неожиданной,

От дерзости такой незваной.

Разжал ладони. И она,

Не оглянувшись, сорвалась

На землю, с места понеслась,

Мелькая белым опереньем.

Вдоль переулка, через сквер,

Мимо скамеек, мимо клумб.

Залаял кто-то: «Эй, куда?»

Свистели вслед. Но никогда

Она не мчалась так легко,

Так быстро, яростно, насквозь —

Как будто не было оков,

Как будто не было угроз,

Как будто целый мир ей дом,

А небо стелется ковром.

Она бежала без дорог,

Через дворы, через мосты,

Пока приютский городок

Не растворился в дымке мгlistой,

Пока не стихли голоса,

Пока не выпала роса

На первые кусты полыни.

И вот — свобода. Лапы бьют

По гравию, потом по глине.

Она бежит. Она впервые

За столько дней не чует пут.

Ничьих ошейников, ничьих

Поводьев, мисок и ковров.

Лишь ветер в шерсти, да ночной

Мост над рекой, да волчий зов

В груди ликующей поёт.

Она бежала долго. Свет

Фонарный кончился. Кювет,

Заросший мятой, стал ночлегом.

Она легла. Дышало небо

Над ней огромное. Звезда

Скатилась в чёрные леса.

И первый раз за много дней

Она вздохнула всей душой —

Без гнева, боли и цепей.

Свободной. Гордой. И чужой.
Так стал ей домом целый мир.

Но мир велик. А сердце — сиро.

Часть вторая. Темныш
И в то же время, за оградой,

Где фонари уже не жгут,

Где город кончился громадой

Бетонных стен, где в ряд бегут

Заброшенные гаражи,

Сараи, ржавые листы,

Где ветер воет от души,

А люди попросту черствы, —

Там, в щели между двух камней,

На грязном, стылом пустыре,

Средь мусора и сорняков,

Родился чёрный пёс. Без слов,

Без ласки, без тепла, без крова.

Судьба жестока и сурова

Была к нему с начала дней.

Едва открыл глаза — над ним

Не морда матери родной,

А неба серого настил

Холодной, мокрой пеленой.

Их было четверо в помёте.

Три крупных девочки: одна

Чернее саж, а другая

Белее извести пятна

На рыжей шёрстке у третьей.

А он — последыш, небольшой,

Тщедушный, с впалыми боками,

С глазами, полными тоски,

Что у щенков не по годам.

Мать их была простая сука,

Бездомная, с душою чуткой.

Она любила их, как птица

Любить умеет — без границы,

Без устали, одним теплом

Своим дыша в комок живой.

Но мир неласков к беднякам:

Однажды утром, за едой,

Она рванула через трассу,

Где выбросил какой-то путник

Кусок батона. Миг — и звук

Удара страшного, и вдруг

Всё стихло. Только красный след

На сером, каменном асфальте,

Да ветер, что принёс привет

Оттуда, где не плачут, не жалеют.

Осиротели в тот же час.

Сестёр природа не жалела —

Они дрались, рычали, ели

Всё, что могли найти в пыли.

А он не мог. Он был слабей,

Тише, податливей, смиренней.

Когда кидались на объедки,

Он отступал. Его уделом

Была лишь корка, да и ту

Сестра рыжая отнимала,

Скалясь злобно. Он скулил,

Дрожал, на лапы оседал

И ждал. Чего — и сам не знал.

Так шли недели. Холод ближе

Подкрался к городу. Зима

Ещё не властвовала, но

Дышала в спину. Первый снег

Упал на грязный пустырёк.

И вот однажды, на заре,

Когда туман, как молоко,

Стоял над свалкой, наш щенок

Остался вовсе без еды.

Сёстры умчались воевать

Задохлого голубя — он

Же не посмел и рта разинуть,

Сидел один. Сидел и стынул.

А снег всё шёл. Не торопясь,

Спокойный, важный, белый, чистый,

Он укрывал собою грязь,

Будильник сломанный, монисто

Битых бутылок, старый таз...

И чёрного щенка в том мире

Как будто не было совсем.

Он слился с тенью, с этой грязью,

Он стал невидим, нем и сир.

И вот настало то мгновенье,

Когда слабеет в сердце стук,

Когда уже не ждёшь спасенья

И замерзаешь, словно жук

В янтарной, ледяной смоле.

Он лёг на снег. Он был как уголь

На белом саване земли.

Дышал всё реже, всё тише,

И жизнь сочилась по чуть-чуть

Из маленького тельца в стужу.

А снег кружился и ложился

Ему на чёрную главу,

На мокрый нос, на удобу,

На каждую ресничку, в уши...

И был бы он похоронён

Под этим саваном беззвучным,

Когда б не случай, что порой

Приходит в облике девчужьем.

Там, где кончался пустырёк

И начинался старый дворик,

Жила одна семья. И в ней

Была девчушка лет семи.

Не то чтобы несчастна — нет.

Отец и мать, обед, мультфильмы...

Но что-то в ней с начала дней

Томилось тихо, нелюдимо.

Она любила быть одна,
Гулять по улочкам чужим,
Смотреть на птиц, на облака.
И почему-то все в округе
Её считали «не такой» —
Тихоней, странной, нелюдимой.
А ей просто нужен был тот,
Кто не осудит, не прогонит,
Кто примет сердцем, не словами.
В то злое утро января
Она пошла гулять без спросу —
Сама не зная для чего.
Как будто что-то позволяло

Её на дальний пустырёк,
Где никогда не погуляешь,
Где бродят псы, где битый лёд
Хрустит под ножкой и воняет
Помойкой, дымом, пустотой.
Она бы мимо проходила,
Когда б не пятнышко одно
На белом-белом покрывале —
Как будто кто-то в снег упал
И растворился в одеяле.
Она приблизилась. Сперва
Ей показалось — просто тряпка,
Какой-то свёрток или ком.
Но снег дышал. Но снег дрожал.

И разглядела: это он,
Щенок. Чёрнее чёрной сажки,
Худой до рёбрышек, лежал
И еле-еле поднимал
Бока запавшие. Дышал,
Но этот вздох был так печален,
Так редок, тих и так далёк,
Как будто ангел отлетающий
Ещё держал его крылом,
Но вот-вот выпустит.
И тут —
Никто не знает почему —
В девчушке этой пробудилось

Не просто жалость. Нет. Родство.

Она смотрела в эти очи,

В глубокий, матовый агат,

И видела в щенячем мраке

Себя саму — того, кто лишний,

Кого не ждали, не хотели,

Кто не умеет драться, лаять,

Кто просто хочет быть любимым,

Но мир не дал ему любви.

И, сбросив варежки, она

Взяла щенка в ладони. Нежно,

Как держат птенчика, она

Прижала к сердцу это тельце.

Оно казалось ледяным,

Почти недвижимым, неживым,

Но что-то тихо в нём дрожало.

— Не умирай, — она шептала. —

Пожалуйста, не умирай.

Ты слышишь? Я с тобой теперь.

Ты только потерпи чуть-чуть,

Я отнесу тебя домой,

Там мама греет молоко,

Там печка тёплая... Постой!

И чёрный пёс, чей дух уже

Блуждал по краю тьмы крошечной,

Услышал вдруг неведомый,

Далёкий зов. Не слов, а звука,

Не смысла — теплоты одной.

Так в первый раз за всю недолгую

Собачью жизнь свою он ощутил,

Что он не лишний. Что кому-то

Он нужен именно такой —

Заморышем, последним, хилым,

С чернющей шкурой, с мокрым носом.

И он держался. Он терпел,

Пока девчушка, спотыкаясь,

Бежала через пустырёк,

Пока взбиралась на крылечко,

Пока шептала что-то маме,

Пока горячее питьё

Ему вливалось в пасть. Терпел.

Терпел. И выжил.

А потом,

Когда уж ночь накрыла город,

Когда метель завывала в трубах,

Он отлежался. И впервые

Уснул в тепле — не в луже грязной,

Не на ветру, не под дождём,

А на подстилке, у огня,

В коробке из-под старых туфель.

И снился чёрному щенку

Удивительный сон: как будто

Он стал большим и сильным псом,

С глазами, полными огня,

И кто-то белый, словно месяц,

Бежал с ним рядом, бок о бок,

Не враг, не друг — иное нечто,

Родное, как вторая тень.

Но то был сон. А наяву

Он только начинал свой путь,

Не зная, что судьба уж точит

Клинок для встречи роковой

Двух душ — что белую, что чёрную,

Двух половин, что стать должны

Одним дыханьем, целым миром,

Где свет и тьма, добро и зло

Сплетутся в узел неделимый.